

Л50 $\frac{6-7}{13}$

Л50 $\frac{6-7}{13}$

ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ
68-705-а
лекціи
по

ВНЕОБЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНІЕ ВЪ БОЖЕСТВЕННУЮ КОМЕДИЮ ДАНТЕ

1887 — 1888 гл.

*Александр
ник.*

пр. Веселовский

С. Петербургъ

ЛИТ. ГРОБОВОЙ, ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТ. МАЛЫЙ ПР. 28

Лекція одиннадцатая.

Литература I пьесы „Ада“. Дантовский Veltro и его происхождение. Криетинская философия истории. Томашио де Флоренция и его последователи. Легенда о грядущем избавителе.

Итакъ, мы рассмотрѣли строение Дантовскаго Ада и Чистилища и указали тѣ принципы, которыми поэтъ руководствовался при распределеніи преступленій и наказаній. Остается теперь решить еще вопросъ, какова была, вообще, основная идея „Божественной Комедіи“. Ответъ на этотъ вопросъ даетъ известная сцена, составляющая содержание первой пьесы Ада — сцена, въ которой последователи усматриваютъ ключъ къ пониманію Дантовскаго творенія и которая поэтому вызвала множество толкованій. Мы займемся этой сценой лишь съ одной стороны, которая даетъ намъ возможность перейти къ вопросу о развитіи въ Средніи вѣка философскаго пониманія истории.

Содержаніе этой первой пьесы слѣдующее:

Дойдя до половины жизненнаго пути, Данте огутился однажды въ темномъ и дикамъ мѣстѣ, изъ котораго не могъ найти выхода. Какъ онъ пришелъ сюда, онъ и самъ не понимаетъ —

В. М. К. Лекція по всеобщей Литературѣ

А. В. Ивановъ

Синтезъ Троицкой, Печерской ст., Машинъ нр. 28

такъ слабо было въ немъ сознание въ ту минуту, когда онъ отклонился отъ петлиаго пути. Въ концѣ этой ллестной долины онъ приходитъ къ подошвѣ холма, возмощеннаго му- гами восходящаго солнца. Онъ немного оправля- ется отъ своего ужаса и хочетъ вздраться на землю, какъ вдругъ его останавливаетъ появленіе Тантеры, которая преграждаетъ ему путь. Въ испугъ онъ готовъ отказаться отъ своего намеренія, но нестрая и блестящая шкура животного, утренняа прохлада и гару- ющее вліяніе венои возвращаютъ ему бодрость духа и спокойствіе. Онъ уже хочетъ идти да- лше, но снова останавливается при видѣлва, стремившагося ему на ветрѣху съ поднятой голо- вой и страшно голодного, и волницы ужасаю- щей лудобы. Эти страшныа животныа окон- чательно лишаютъ его мужества, отнима- ютъ у него великую надежду достигнуть вер- шины горы и гонятъ его внизъ. Но въ то самое время, когда онъ стремглавъ катится на- задъ, взорамъ его представляется образъ чело- вѣка и онъ обращается къ нему съ молбвой. Это — Виргилій. Последний объясняетъ Данте, что ему надо держаться другаго пути, если онъ желаетъ выйти изъ этого

Бикаго мѣста:

„Держать ты долженъ путь другой отнынѣ,
Онъ отвѣталъ, увидѣвъ скорбь мою,

„Какъ умереть не хочешь здѣсь въ пустынь.“
„Сей лютый зверь, смутившій грудь твою,
Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ,
Но, путь пресѣкши, губитъ все въ бою.

И свойствамъ онъ столь вреднымъ обладаетъ,
Что въ алчности нигды не утоленъ,
Всѣмъ за пдой еще сильнѣе алкаетъ.

Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ
И съ многими еще совокупится;

Но близокъ Кееръ, предъ кѣмъ издохнетъ онъ.

Не льды съ землей Кеу въ пищу обратятся,

Но добродѣтель, мудрость и любовь;

Межъ фальстро и межъ фальстро Кееръ родится.

Италію раду спасетъ онъ вновь,

Въ честь коей два зерла Камилла,

Туринъ, Эврисилъ и Ниллъ пролили кровь.

Изъ града въ градъ ползетъ Волгицу сила,

Доколь ее не заключитъ въ Аду,

Откуда зависть ее въ міръ пустила,

Талте, Виргиліи обличаетъ бытъ его про-

водникомъ и показатъ ему тѣни грѣшниковъ,
осужденныхъ на вѣчные страданіе и души тѣхъ,
которые, проходя сквозь огнетѣльное пламя,

наконец, достигнут вечною блаженства и, наконец, приведет его в жилище праведников, где будет ему сопутствовать уже более достойная путеводительница (т. е. Беатриче).

Таково вступление к Божественной Комедии. Нет никакого сомнения, что картину эту нужно понимать аллегорически; вопрос только в том, какого рода аллегория следует видеть в этой вступительной пьесе. Уже вельды за смертью Данте начали появляться комментарии к его поэме; ее комментировали даже с кафедры. В шестнадцать первых комментариев были собственные сочинения Данте и Боккаччо; несомненно, что их толкования гораздо ближе к пониманию Данте, чем позднейшие. Первые commentators стоят на точке зрения религиозно-мистической; но после XVI в. этой аллегории начинают придавать политический смысл. Политический толкования продолжают и до сих пор, но последнее время исследователи стали обращаться опять к древнейшему толкованию. Поэтому толкованию смысла вводной пьесы Божественной Комедии следует: Данте заблудился на жизненном пути, но поэт Долгий блужданий в окружающем его мире отводит, наконец,

лалю, ослепленный солнцем петимы. Онъ
хочетъ подняться на вершину его, но старые
его урны заграждаютъ ему дорогу. Эти старые
урны аллегорически представлены въ видъ трехъ
звирей: Пантера — это Lulimia (чувственные
страсти), Левъ — Superbia (гордость), а не-
насытная Волчица — Avaritia (жадность).
Чтобы издаться отъ нихъ, ему не-
обходимо пройти черезъ мученія ада и шестъ-
лица. Такимъ образомъ объясняется карти-
ны ада и холма и становится понятнымъ
появление Виргилія. Виргилій — это олице-
ствование разума, науки, но и разумъ теря-
етъ свое значеніе тамъ, гдѣ начинается
откровеніе. Поэтому, когда они достигаютъ
Рая, то Виргилій исчезаетъ, усту-
пая мѣсто сначала Стазію, а потомъ
Беатриче — олицетворенію высшаго божества,
высшаго пониманія Бога и откровенія.

Таково древнѣйшее пониманіе
Данте, котораго въ настоящее время при-
держиваются нѣмецкіе ученые Bumme (Dan-
te's Sündensystem in Hölle und Fegfeuer, h 4 m.
„Jahrbuch der deutschen Dante-Gesellschaft“ (1877)
и Скармаццини (Ueber die Congruenz der Sün-
den und Strafen in Dante's Hölle, h 4 m. Jahr.

Buch d. deutschen Lantgesellschaft (1877), а изъ Умать
янцева — Джуріани и др.

Но рядомъ съ этими этико-религіоз-
ными толкованіемъ, какъ мы уже говорили,
существуетъ друше — политическое. Какъ из-
вѣстно, Данте былъ видной политической
дѣятель и стоялъ въ центрѣ политическихъ
событій того времени; оттого-то и въ его Коше-
дѣи могли усмотрѣть политическую тенден-
цію: въ трехъ звѣряхъ — олицетвореніе различныхъ
группъ, свойственныхъ отдельнымъ полити-
ческимъ партіямъ того времени и т. п. Умать-
янский ученый, Россетти, даже доказываетъ,
что „Божественная Комедія“ — политическій
памфлетъ, имѣющій цѣлью прославленіе
Либерализма. Но эти толкованія не вы-
держиваютъ никакой строгой критики и мы,
поэтому, останавливаемся на нихъ не будемъ.
Сцена, открывающая первую пьесу Ада, для
насъ важна главнымъ образомъ потому, что
даетъ намъ поводъ перейти къ другому вопросу,
связанному съ Дантовскими пониманіемъ Veltro,
будущаго убавителя міра. Спрашивается,
кто-же этотъ будущій убавитель, этотъ
Гончій Кееръ, который прогнать въ адъ Вол-
лицу? Ответы на этотъ вопросъ давалъ

разные. Чьям неяснее самый образ этого *Beltrio*, темь естественнее являлось желание подсказать содержание этому образу — отсюда масса толкований. Старые толкователи подыскивали такого Гиббеллина, на которого Данте мог бы возложить свои надежды на освобождение Италии. Таким подходящим человеком казался Веронский тирань Кангранде. Он, действительно, был Гиббеллином и Данте, который одно время пользовался у него убежищем, возлагал на него большие надежды. Кроме того, образ Гонгадо Пса приписывается к нему темь легче, что самое прозвище его *San grande* (большая собака) находится с нимь в естественной связи. (Многие этого, между прочим, придерживаются и Веселе: „Данте Алигьери“, пер. Ал. Веселовского.)

Кроме Кангранде, в роль Дантовского издателя комментаторы прочли еще много других лиц, напр. Гуглионе дельо Фаджвола; некоторые указывали даже на папу Бенедикта XI и др. Но дело в томь, что в самомь тексте говорится, что будущий издатель не современник, что онь еще придет, что онь будеть добродетельным и мудрым, а эти качества Данте без натяжки брады.

ли могь приписывать означенным претенди-
танам. О Болонья говорится, между прочим,
что она „со многими животными езе соеди-
нитая“, а этого будущаго нельзя ограничить
тѣмъ же предлогомъ жизни Кангранде или др.
Нельзя также представить себѣ, чтобы Данте
могь какому либо историческому лицу приписать
такую высокую роль, какъ пуганіе всей нечисти
въ адѣ; такого рода подвига можно было ожи-
дать лишь отъ идеальнаго зубавителя. На ос-
нованіи такихъ соображеній, впрочемъ, некото-
рые дошли до того, что стали представлять
Данте какимъ-то душовидцемъ, предвидѣвшимъ
въ лицѣ Veltro ни болѣе, ни менѣе, какъ Гари-
балди. Одинъ немецъ дошелъ даже до того,
что сталъ доказывать, будто Veltro — импе-
раторъ Вильгельмъ IV.

Такимъ образомъ, при всемъ этомъ
такованіи некоторой основательностью от-
личается лишь то, которое считаетъ Дан-
товскимъ Veltro — Кангранде. Особенно впе-
скимъ аргументомъ въ пользу этого мнѣнія
на первый взглядъ можетъ показаться слѣ-
дующее обстоятельство. Въ первой пѣснѣ
говорится, между прочимъ, „мать Фрелстро
и мать Фрелстро всея родителъ“. Также много

не только действительно существовало (это фаль-
тро в области тревизо и Монтефальтро в
области Ликанской), — но даже, именно, оказы-
вается местом рождения и исторической
деятельности Камбранде. Однако, пошлю
уже выказанной соображений о том, что бу-
дущим убавителем не мог быть современ-
ник Данте и др., — вышняя всекосность этого
совпадения устранилась тотчас же, если мы
не будем писать фальтро пропущенной буквой.
Смысл получится тогда совсем другой. Фаль-
тро — значит по-итальянски бедная одежда
из войлока; следовательно, слова „он родится
у фальтро и фальтро“ — следует понимать
в том смысле, что он родится в рубище,
в бедной одежде, — такой, именно, тип убави-
теля, вышедшего из нищеты, мы встреча-
ем в византийских сказаниях. Данте
только приурочил себе такой образ; убави-
тель этот должен явиться лишь в конце
мира. Чтобы возможность появления такого
типа убавителя стала для нас явнее, мы
должны обратиться к вопросу о том, что
такое эриетанская философия
истории.

Под словами „философия истории“